

Виктор ВИНОКУРОВ,

доцент Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск),
кандидат юридических наук

ПОНИМАНИЕ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПРИМЕНЕНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

В теории уголовного права под объектом преступления традиционно признают общественные отношения, которые абстрактны, что позволяет широко трактовать объем общественных отношений, причинение вреда которым признается преступлением. Поэтому представляется необходимым выделить критерии определения границ общественных отношений, причинение вреда которым признается преступлением.

Общественные отношения как объект уголовно-правовой охраны характеризуются тем, что это отношения между членами общества, т. е. людьми, наделенными социальными свойствами; безличны по характеру, поскольку существуют до появления конкретного человека; имеют нормативный характер, так как общество создало систему норм отношений между своими членами; характеризуются устойчивостью вследствие их повторяемости; являются результатом деятельности людей, направленной на удовлетворение их потребностей и интересов. Поэтому общественные отношения это устойчивые, типизированные интегративные социальные связи, возникающие между субъектами на основе их совместной деятельности¹.

Исходя из такого понимания общественных отношений в теории уголовно-

го права и на практике, выстрел в труп признается покушением на убийство. Хотя, как отмечают многие авторы, не может быть общественно опасным и преступным деяние, не затрагивающее интересы людей и не нарушающее нормальные общественные отношения, так как участники общественных отношений выступают их материальным субстратом, и уголовный закон, охраняя общественные отношения, тем самым охраняет «реальные» личности, из действий которых и складываются общественные отношения².

Представляется, что в данном случае речь идет не об обобщенных типизированных связях, существующих в обществе, как объекте уголовно-правовой охраны, а о социальной связи между конкретными субъектами как непосредственном объекте преступления. «Преступное деяние, — писал Н.Д. Сергиевский, — являясь по своей отвлеченной природе нарушением норм закона и посягательством на интересы всего правопорядка, в конкретной своей форме всегда заключает в себе конкретный вред или конкретную опасность»³.

Вопрос о понимании непосредственного объекта преступления актуален при квалификации покушения на «негодный» объект или «отсутствующего» потерпев-

¹ Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. М., 1986. С. 37; Прохоров В.С. Преступление и ответственность. ЛГУ., 1984. С. 36; Тацый В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков, 1988. С. 14–15.

² Карпушин М.П., Курьянский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974. С. 76; Побегайло Э.Ф. Умышленные убийства и борьба с ними. Воронеж, 1965. С. 10; Загородников Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. М., 1963. С. 29; Он же. Преступления против здоровья. М., 1969. С. 15.

³ Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. СПб., 1896. С. 291.

шего или предмета. В теории отечественного уголовного права этот вопрос решался и решается следующим образом. «Если объект посягательства не существует физически, — писал Н.С. Таганцев, — то очевидно, что всякая попытка посягнуть на него будет мнимой: она заключает в себе голую злую волю, но не имеет свойств преступного деяния, тем более что в большинстве случаев и самое покушение при подобных условиях бывает невозможно, по крайней мере в тех деяниях, которые предполагают непосредственное воздействие субъекта на объект»⁴.

В ст. 47 Уголовного уложения 1903 г. отмечалось: «Не почитается преступным деяние, направленное на предмет, не существующий или очевидно негодный для учинения того рода преступного деяния, которое замыслено». Несуществующими признавались не только предмет, не существующий физически, но и предметы, не существующие юридически, т. е. не имевшие тех свойств или качеств, против юридической охраны которых было направлено действие. Поэтому не признавалось преступлением покушение на убийство лица, находящегося в это время в другом городе, так как не может быть нападения на личность. Но выстрел в комнату, не приведший к ожидаемым преступником последствиям только потому, что жертва стояла в стороне, является наказуемым покушением⁵.

В советский период этот вопрос стал решаться по-иному. Так, Т.Л. Сергеева считает, что при ошибочном изъятии государственного имущества, не обладавшего ценностью, ответственность должна наступать за покушение на хищение государственного или общественного имущества⁶. Представляется, что такая позиция основывалась на том, что к сере-

дине 1930-х гг. в советской уголовно-правовой и криминологической теории стала господствовать идея, согласно которой посягательство на социалистическую собственность представляет особую опасность для советского государства, поскольку создает угрозу экономической основе СССР. Так, в ст. 131 Конституции СССР 1936 г. отмечалось: «Лица, покушавшиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа»⁷. Хотя как отмечал А.Н. Трайнин: «Нет посягательства, если нет объекта, так как в этом случае не на что посягать, и в одинаковой мере нет посягательства, если объекту не причинено ущерба, ибо в этом случае субъект не посягает»⁸. Поэтому по обоснованному мнению Н.Д. Дурманова, при отсутствии определенных свойств предмета, на который осуществляется посягательство, состава преступления нет⁹. Таким образом, Н.Д. Дурманов придерживался позиции ученых до советского периода о том, что посягательство на «отсутствующий» или «негодный» объект не является преступлением.

Однако выстрел в труп все равно в настоящее время признается преступлением, так как хотя убийство в данном случае совершить невозможно, действия лица все же общественно опасны, поскольку последствия не наступили по независящим от лица причинам и оно должно быть привлечено к ответственности за покушение на негодный объект¹⁰. «Установление уголовной ответственности за выстрел в труп, — писал В.Ф. Кириченко, — связано, таким образом, с тем, что будь на месте трупа живой человек, он мог быть убит»¹¹.

На основании этих положений теории и применяется уголовный закон. Так, Грунтман в процессе ссоры убил Панова ударом

⁴ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 321.

⁵ См.: Уголовное Уложение 1903 г. Спб., 1904. С. 90 — 92.

⁶ Сергеева Т.Л. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности в СССР. М., 1954. С. 33.

⁷ Елисеев С.А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России (вопросы теории). Томск, 1999. С. 71.

⁸ Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951. С. 191.

⁹ Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М., 1955. С. 154 — 158.

¹⁰ Бородин С.В. Преступления против жизни. М., 2000. С. 49.

¹¹ Кириченко В.Ф. Значение ошибки по советскому уголовному праву. М., 1952. С. 46.

молотка. Через некоторое время в вагончик, где лежал труп Панова, зашел Строганов и, увидев лежащего на кровати Панова, испытывая к нему неприязненные чувства, ударил его топором по голове. Строганов был осужден по ст. 15 и ч. 1 ст. 103 УК РСФСР (ч. 3 ст. 30 ч. 1 ст. 105 УК РФ)¹².

Опрос следователей Следственного комитета при прокуратуре РФ и МВД РФ показал, что на вопрос, являются ли общественно опасным выстрел в труп, если субъект полагал, что стреляет в живого человека с целью его убийства, положительно ответили 88% опрошенных. На вопрос, кому причиняется вред и в чем выражается общественная опасность выстрела в труп, две трети опрошенных затруднились ответить. Остальные указали, что вред причиняется общественным отношениям, и опасность таких действий выражается в том, что субъект в последующем может совершить убийство. Представляется, что квалификация выстрела в труп как покушения на убийство основывается на понимании непосредственного объекта как типизированных устойчивых связей, что приводит к необоснованному применению норм уголовного права, что недопустимо.

Поэтому обоснованным является мнение, что лицо, пытавшееся лишить жизни уже мертвого человека, может быть привлечено к уголовной ответственности за приготовление к убийству (ч. 1 ст. 30, ст. 105 УК РФ), только если будет доказано, что это лицо приискивало, изготавливало или приспособляло для совершения убийства средства или орудия преступления, (например, оружие), приискивало соучастников убийства либо умышленно создавало иные условия для совершения убийства до наступления смерти потер-

певшего. Также его можно привлечь к ответственности за фактически совершенное деяние, например за незаконное приобретение огнестрельного оружия ст. 222 УК РФ¹³. Представляется, что в ст. 30 УК РФ должно быть закреплено правило, согласно которому не является преступлением посягательство на несуществующий потерпевшего или предмет.

Следующим критерием ограничения сферы общественных отношений как объекта уголовно-правовой охраны является то, что объектом преступления как элементом состава следует признавать только уголовные регулятивные правоотношения, возникающие с момента вступления в силу нормы, устанавливающей запрет определенного поведения. Признание объектом преступления общественных отношений связано с тем, что они как объект преступления представляют собой содержательную абстракцию. «Ее полезность, — отмечал Б.С. Никифоров, — определяется тем, что она дает возможность видеть политическое содержание преступлений, совершаемых в СССР, и поэтому является основой и ориентиром для построения более конкретных определений. Более того, она делает такие определения необходимыми, потому что сама по себе не обладает, не должна и не может обладать конкретностью, необходимой для решения практических задач борьбы с преступностью в соответствии с принципами социалистической законности»¹⁴. Таким образом, понимание объекта преступления как общественных отношений и нечеткое формулирование конкретных преступлений позволяло широко применять нормы уголовного права. Хотя как отмечал М.И. Федоров, «... объектом являются не всякие общественные отношения,

¹² Дело № 04-12. Архив Новгородского областного суда за 1995 г. Пример приведен по монографии: *Малинин В.Б., Парфенов А.Ф.* Объективная сторона преступления. СПб., 2004. С. 134.

¹³ *Андреева Л.А., Константинов П.Ю.* Влияние жестокости преступного поведения на уголовную ответственность. СПб., 2002. С. 104.

¹⁴ *Никифоров Б.С.* Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960. С. 113. Аналогичным образом решался вопрос и в законодательстве досоветского периода. Так, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в главе «О преступлениях против Государя Императора и Членов Императорского дома» составы преступлений были сформулированы крайне нечетко, также недостаточно четко был определен объект преступления, что объясняется не низким уровнем развития законодательства, а стремлением обеспечить при необходимости широту и произвол судебно-административных репрессий. См.: Развитие русского права в первой половине XIX века. М., 1994. С. 176.

а лишь охраняемые уголовным законом, что должно указать на объект как элемент преступления и ориентировать на анализ тех признаков, при помощи которых законодатель характеризует объекты в конкретных составах»¹⁵.

Объект уголовно-правовой охраны по объему шире, чем объект как элемент состава преступления, поскольку государство охраняет наиболее важные общественные отношения не только от преступлений, но и от действий невменяемых, малолетних и действующих в состоянии крайней необходимости¹⁶. Законодатель, провозглашая определенные ценности объектами уголовно-правовой охраны, посредством формулирования норм Особенной части УК РФ переводит их в разряд элемента состава, возникающего с момента принятия соответствующей уголовно-правовой нормы. При этом объект уголовно-правовой охраны не становится в полном объеме элементом состава преступления, поскольку не все отношения регулируются либо регулирование их нормами права нецелесообразно. Так, здоровье женщины является объектом уголовно-правовой охраны, но законодатель не всегда признает преступлением причинение женщине вреда при аборте вследствие неэффективности его полного запрета, так как это увеличит количество криминальных абортотворений, что в свою очередь — последствий в виде смерти или тяжкого вреда здоровью женщины¹⁷. Поэтому законодатель ограничил сферу действия закона, признавая преступлением прерывание беременности только она осуществляется лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля, либо в ненадлежащих условиях.

Наиболее четко перевод объекта уголовно-правовой охраны (общественных отношений) в объект как элемент состава (правоотношения) просматривается на

примере норм, устанавливающих наказание за причинение вреда отношениям собственности. Собственность и права на нее существуют вне всякой связи с преступлением и, конечно, не как часть или элемент общественно опасного деяния, называемого преступлением. Собственность как элемент состава в виде его объекта выступает только, когда она находится в связи с другими элементами состава преступления: на нее направлено определенное противоправное действие, которое совершает человек (субъект), отвечающий установленным законом условиям ответственности (возраст, вменяемость), этот субъект действует сознательно, преследуя определенную цель. Не будь взаимосвязи собственности с другими названными элементами, она существовала бы как общественное отношение, но качеством объекта преступления как элемента его состава не обладала¹⁸. Так, уничтожение имущества по неосторожности (ст. 168 УК РФ) является преступлением лишь при причинении ущерба в крупном размере путем неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности. Таким образом, законодатель посредством признаков, характеризующих такие элементы состава преступления, как объективная сторона, субъект и субъективная сторона, указывает на ту сферу общественных отношений (объекта уголовно-правовой охраны), которая охраняется запретом, содержащимся в диспозиции нормы. Правоприменитель же, наоборот, анализируя содержание этих признаков, устанавливает объект преступления. Следовательно, контуры деяния, таким образом, находятся в границах объекта преступления¹⁹.

От того, как будет сформулирован запрет в нормах Особенной части УК РФ, зависит объем общественных отношений, нарушение нормального функцио-

¹⁵ Фегоров М.И. Понятие объекта преступления по советскому уголовному праву // Учен. зап. Пермского гос. ун-та. Том XI. Вып. 4. Кн. 2. (юрид. науки). Пермь, 1957. С. 190.

¹⁶ Кашепов В.П. Уголовное право Российской Федерации: Учебник. М., 1999. С. 58.

¹⁷ Дагель П.С. Условия установления уголовной наказуемости // Правоведение. 1975. № 4. С. 70.

¹⁸ Карпушин М.П., Курляндский В.И. Указ. соч. С. 175–176.

¹⁹ Мальцев В.В. Проблемы уголовно-правовой оценки общественно опасных последствий. Саратов, 1989. С. 11.

нирования которых признается преступлением. Так, в ст. 165 УК РФ предусмотрена ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», обман как способ совершения мошенничества может состоять в сознательном сообщении заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях (например, предоставление фальсифицированного товара или иного предмета сделки, использование различных приемов при расчетах за товары или услуги или при игре в азартные игры, в имитации кассовых расчетов и т. д.), направленных на введение владельца или иного лица в заблуждение. Сообщаемые при мошенничестве ложные сведения (либо сведения, о которых умалчиваются) могут относиться к любым обстоятельствам, в частности, к юридическим фактам и событиям, качеству, стоимости имущества, личности виновного, его полномочиям, намерениям. Злоупотребление доверия при мошенничестве заключается в использовании с корыстной целью доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам. Доверие может быть обусловлено различными обстоятельствами, например служебным положением лица либо личными или родственными отношениями лица с потерпевшим. Злоупотребление доверием имеет место и в случаях принятия на себя лицом обязательств при заведомом отсутствии у него намерения их выполнить с целью обращения в свою пользу или пользу третьих лиц чужого имущества или приобретение права на него.

В практической деятельности злоупотребление доверием трактуется необоснованно широко. Так, Б. был осуж-

ден по ст. 165 УК РФ — причинение имущественного ущерба путем злоупотребления доверием за то, что после его отключения он самовольно подключился к проходящей рядом с его домом линии электропередачи, набросив провода, чем причинил имущественный ущерб электрической сети в размере 1555 руб. 20 коп. Но, как обоснованно отмечает К.В. Михайлов, который приводит этот пример, Б. доверием не злоупотреблял, так как отношений доверия, которыми можно было бы злоупотребить, между виновным и представителями электрической сети не было. Производитель электроэнергии до момента отключения доверял Б., но после того, как последний перестал платить за электроэнергию, эти отношения доверия перестали существовать²⁰.

Обмана в данном случае не было, он бы имел место, если бы Б. использовал технические приспособления, уменьшающие показания счетчика. Представляется, что в приведенном примере закон был применен по аналогии, что прямо запрещено в ч. 2 ст. 3 УК РФ. В то же время действия Б. общественно опасны, поскольку они причинили имущественный ущерб и достаточно распространены. Изучение обвинительных приговоров показало, что суды всегда квалифицируют по ст. 165 УК РФ действия лиц, которые, незаконно подключившись к телефонным линиям и линиям электропередач, причиняют ущерб собственнику или владельцу. Поэтому диспозиция нормы, предусмотренной ст. 165 УК РФ, нуждается в изменении.

Так, по мнению В.В. Хилюты, диспозиция нормы, предусматривающей ответственность за причинение имущественного ущерба, может быть изложена следующим образом: «Умышленное извлечение имущественной выгоды в значительном размере от противоправного пользования энергией, газом, связью»²¹. Однако в этом случае вне сферы действия уголовного права останутся ситуации, когда лицо причиняет ущерб посредством безвоз-

²⁰ Михайлов К.В. Уголовно-правовая характеристика злоупотребления доверием как признака преступлений против собственности. Челябинск, 2002. С. 55–56.

²¹ Хилюта В.В. «Хищение» энергии или к вопросу о модернизации уголовно-правовых понятий // Российская юстиция. 2008. № 8. С. 45.

